

пальцем: "Что это?" А он: "Немец победит, зацепит шнур, банки загремят и спасут меня от смерти." А как других отрядить от нелепой гибели, думал я? Был один боец, так его хоть не ставь на пост, спит и спит. Комбат говорит: "Надо проучить". Со своим постовому привязали веревку за ноги и проталины неслышно вывели. Спать на посту перестал. Но ведь к

нам, и наша артиллерия действительно лупила по пустому месту. Единственное было очень жаль, что об этом мы уже не сможем сообщить. Несколько немцев поставили разведчиков на шпильки и надели на шеи петли. Бойцы уже были наслышаны о том, что немцы сделали с белорусской деревней Хатынь, но теперь они увидели эту страшную картину вочию. Из погребов и подвалов выгоревшей напрочь деревни окупанта вытащили несколько мирных жителей и привели их посмотреть на эту расправу с советскими разведчиками.

- Офицеры есть среди вас? - последовал вопрос. Никто не ответил ни слова. У первого из-под ног вывалил ящик. У второго... Пошли к Феликсу. И вдруг раздались пулеметные очереди, которые мгновенно ско-

- И нам поставили задачу: прорвать танковую оборону, - вспоминает что Николайевич. - Надо было сделать, невозможно. Тогда мой замкомвида старший сержант Цыганок вспомнил, что в подвалах прятались мирные жители. Их надо вытаскивать и пустить вперед себя, предлагал он. Может, мы поступим неумными, но это единственный выход, чтобы прорвать танковую оборону. И мы согласились.

В этом бою наши бойцы захватили у немцев фауст-патроны, которые запросто прожигают любую броню. И их же патронами сделали из "тигров" и "пантер" большие кладбища. За такое предложение, вспоминает Костерин, Цыганка даже представили к званию Героя Советского Союза. Но он любил резать правду-матку в глаза, поэтому вместо Героя получил орден Красного Знамени.

- За годы войны мы настолько привыкли к стрельбе, что наступившая 2 мая тишина сильно ударила по ушам, - немного помочав, добавил Феликс Николаевич. - Было жутко. Мы не понимали, что происходит, только на асидах проехали связные. "Капитуляция! Капитуляция!" - кричали они. Следом прошли наши полторы с репродукторами. И мы поняли: Победа. Сколько было слез и радости, трудно передать. Итальянская музыка, пачкались пляски и песни, смешанные с рыданиями. И конечно, захотелось отметить это событие, но флажки были пустыми. И тут мне доносит, что недалеко есть разоблаженный винзавод. Я с товарищами в гараж. Во дворе наши несколько бутылок и погнутое ведро, спустились в подвал винзавода. А там вина - по колено. И когда мы шли, мой боец Иван Обрита внимательно, что на ступеньках лежит обгоревший труп. Это не к добру, заметил он. И действительно, только мы наполнили емкости и вышли из подвала, как прогремел страшный взрыв. Винзавод был заминирован.

... Домой в город Кузнецк, что в Пензенской области, Феликс Костерин возвратился не сразу. Освободившись от двух лет в оккупационных войсках и помогав с возвращением русских пленных в Советский Союз. А когда вернулся на родину, токарем не пошел, работа повозочника на аэродроме, бухгалтером в танковой армии. Познакомился с Ольгой. Поженились и в 1955 году уехали в Находку.

Пришлось поменять несколько мест, помыкаться по временкам. И только спустя девять лет, он устроился на постоянную работу - реформистом в Находкинскую БАМР, которой отдал 26 лет. Здесь же получил и благоустроенное жилье. В Находке у Костерина родились Александр и Юрий. Старший работает на складе владивостокском предприятии, младший - в ПМП. Оба женаты. Подарили старикам питерских внуков. По большим праздникам они собираются у родителей во всем семейством, и духомантная квартира Костерина наполняется шумом и смехом.

И все же как ни просторно для нас с женой это жилье, мне тесно. Этот бетон просто сдавливает душу. Стелет ветеран войны. - Может, скажутся две контузии, которые и получил на фронте. Поэтому часто приходится вызывать "скорую". Да и годы берут свое. А июня мне будет 76. Зато летом чувствую себя значительно легче. Завая с собакой на дачу и живу неделями. Коварные потихоньку в земле, наслаждаюсь природой, заодно обеспечиваю себя ягодами и овощами.

Феликс Николаевич заснутил сигарету в мундштук и прикуривает.

- А зимой скуучновато, - проговорил он. - Но я нашел себе любимое занятие. Обойти даже забываю, что пришло время Победы, настолько увлекает оно. К тому же и успокаивает мои нервы.

Ольга Тимофеевна к этому времени уже заваривала душистый чай и подала малиновое варенье.

- Принеси мои подделки, - попросил Феликс Николаевич.

И жена с гордостью начала рассказывать о способности мужа, его необычной усидчивости. Она показывала инкрустированные рамки под фотографии, украшенные деревянными кружевными книжными полки, заготовки к будущей мебели. Что-то осталось из этих произведений у них дома, что-то Феликс Николаевич подарил на память знакомым и родственникам. Я смотрел на этих людей и сердце наполнялось радостью за такую добрую и дружную старость. Недавно они отметили 50 лет совместной жизни. Но, несмотря на такой возраст, их чувства, казалось, даже крепче, чем в молодости. Хорошо, когда две составляют одно целое. Ведь если один упадет, другой - поднимет его.

Владимир ЦАПТЮХОВ.
Фото Александра СИДОРЕНКО.

И залпы тысячи орудий сплелись в протяжный вой

- ШЕЛ 43-й год. Наши войска продвигались в направлении Киева, освобождая города от немцев, вспоминает Феликс Николаевич Костерин. - На подступах к Ровно части были настолько потрепаны, что жалко смотреть. И вот на прощанье бросали пачку, еще свеженькую дивизию. Вечером заняли отведенные позиции, а под утро нам поставили задачу: во что бы то ни стало взять Ровно. Это было мое первое боевое крещение. Не имея опыта, я, младший лейтенант, только что принявший взвод, часто терзался: правильно ли действую? Ведь кроме выполнения приказа на мне еще лежала и ответственность за жизни 28 подчиненных. Сражение было жестоким. Бились больше суток. В этой схватке я недосчитался восьми бойцов.

... Феликс Костерин, наверное, как и сотни других парней, пошел на фронт добровольцем. Это был далекий 42-й. После окончания ремесленного училища Феликс трудился токарем седьмого разряда на военном заводе под Свердловском. Ему еще не было и 18. Вместе со своими сверстниками паренек работал по 11 часов в сутки. А получал за такой труд всего 900 рублей. И это в то время, когда бухалка хлеба стоила 300. Их завод недавно эвакуировали из Москвы, цеха стояли без крыши, работать приходилось чуть не под открытым небом. Но на холоде, усталость и теснота в общежитии ребята не ждали, понимали, что у Родины теперь бедств не так уж много. И они нужнее на фронте.

Однажды парни прослышали, что военкомат формирует команду на фронт. Продали продрокотки и в тризубе всем обещали: - к воюющему. Чуть не отказав, обманули его, дескать, мы не кадровые рабочие, а всего лишь ученики. Но этот номер не прошел. Генерал-лейтенант, директор завода, хорошенько выдал им, но, учитывая героический поступок, А ведь за прогул могли вычитать по 25 процентов зарплата в течение полугодия в пользу государства даже лишит бесцельных талонов на обед. А это целых 200 граммов хлеба и тарелка крапивной щей либо супа. Или чуть того - отправить в тюрьму.

И все же как ни страданы и не убеждали Феликса, что работа в тылу - не менее важное и героическое дело, чем бить врага, ковать победу они все-таки хотели на передовой. Вместе с товарищем Костерин снова отправился, но уже в другой военкомат. Встретили там одного старшего лейтенанта, снова направили про себя, но уже убедительно. И тот поддался. Однако, несмотря на уговоры зачислить их в любые войска, только не в пехотные, старший лейтенант умышленно и направил их на год в Тюменское пехотное училище.

Получив боевое крещение под Ровно, младший лейтенант Костерин вместе с товарищами освободил Киев, а потом в составе 1-го Белорусского фронта их дивизия двинулась через Прибалтику на Берлин. За каждый город шли тяжелые бои.

- Солдаты настолько устали, - вспоминает Феликс Николаевич, - что иной сидел на бруствере и тут же засыпал. А ведь каких-то метров 500 от нас немцы стоят. Не усмотришь, захватят из наших "языка" и тогда командира по голове не поглядят. У меня был солдат 1906 года рождения, он, в отличие от многих, не спал на бруствере, но была махость луховатый. Однажды идя с разведчиком проверить посты ночью, вижу, солдат этот поставил недалеко от окопа колышки, натянул шнур и развесил пустые консервные банки. Я показываю

каждому не будешь применять такой метод. И я додумался.

Феликс умел хорошо рисовать. Он начал делать различные карикатуры и рассылать бойцам по окопам. Те смеялись, и сон на время отступал. Эта идея быстро пронеслась по дивизии. Как-то вызывая Костерина один майор, представился контрразведчиком из СМЕРШа.

- Ну, что, лейтенант, хорошо рисуешь? как бы с украинкой спрашивает он?

- Нет, - испуганно вынама Костерин. А в голове молниеносно мелькнула мысль: вот это попался. Политическая статья... трибунал...

- Соберайся, - сказал майор. - Поедешь со мной. В СМЕРШе лейтенанта Костерина встретил подполковник. Молча смергид его взглядом, потом задад тот же страшный вопрос.

- Ну, что, лейтенант, продолжаешь рисовать? У Костерина перехватило в горле.

- Ты знаешь, зачем я тебя вызвал? - после некоторой паузы спросил он.

Никак нет, товарищ подполковник, - отшаркивался Феликс.

- Так слушай. Мы три разведки послали в Хатыньку, чтобы узнать, где располагаются немецкие части и какое у них вооружение, но ни одна не вернулась. А нам нужно знать точно - что там впереди. Совсем не хочется, чтобы наша артиллерия лупила по пустому месту.

Научишься, - отрезал он. - Ты - художник. Все увиденное - сфотографируешь глазами. Никаких лишних бумажек тебе заводит не понадобится. Подбери себе людей, хоть из соседних частей, и вперед.

Костерину дали немецкую радиостанцию, чтобы каждый час выходил на связь, связи со всех шестерых бойцов знаки различия, забрали документы и разминировали для разведчиков тропинку на минном поле. Ночь была лунная, и белый-белый снег переливался в тусклом свете. В такой обстановке надо было соблюсти все меры предосторожности, чтобы не обнаружить себя. Передвигаться приходилось только по-пластунски. Вскоре бойцы наткнулись на пустые окопы. Потом второй рубеж. Тоже никого. И когда спустились в окопы четвертой линии, солдаты даже не заметили, как их скрутили фашисты. Потом, связав колочей проволокой, бросили до утра в яму. А когда начало светать, пришли пять крепких немцев с петлями и ящиками в руках.

У меня испуга не было, - рассказывает Феликс Николаевич. - Было некоторое удивление, что здесь не оказалось скопления вражеских войск, как предполагалось

силы немцев. Оказалось, что по следам Костерина шла другая разведка, которая подстреливала бойцов.

На глаза Феликса Николаевича накапала слеза. Нераз приходилось ему сталкиваться вот так лицом к лицу со смертью и на мгновение она вспоминает родных и близких, мысленно прощаясь с ними.

- Не всегда, но порой было жутко страшно, когда смерть глядит тебе в глаза, продолжил рассказ Феликс Николаевич. - 23 марта 1945 года мы форсировали Одер. Чтобы двигаться дальше на Берлин, надо было переправиться через эту реку. На другой стороне несколько советских частей, которые прошли перед нами, отвоёвывали плацдарм, примерно, с километр, но дальше двигаться не смогли. Путь преградил громадное скопление вражеских снайперов. И наша армия должна была прорвать немецкую оборону. Река глубокая, вода холодная, все мосты разрушены, а у нас ни плотов, ни понтонов, чтобы переправить хотя бы орудия и танки. Неудаче была небольшая аска, бойцы стали рубить деревья и делать плоты. А в 6 утра начался арталет.

Эта картина была чем-то схожа с Бородинской битвой, когда "залпы тысячи орудий слились в протяжный вой". После чего наша армия вошла в реку. Вы знаете, странно даже вспомнить, сверху нас поливают огнем дождем немецкие самолеты, с берега - артиллерия. Если вы видели когда-нибудь, как сплавляют по реке лес, так и здесь плавали трупы. А земля на берегу - смешана с кровью. Когда прошли через реку, перед нами встали еще две громадных дамбы, залитые водой.

Итак одно препятствие за другим, один бой страшнее другого. От Одера до Берлина каких-то километров 100, а наши войска продвигались два месяца. В предместье немецкой столицы бойцы вошли 28 апреля. Взяли часть железной дороги, кондитерскую фабрику и ливзавод, которые оказались на пути. Труднее было выводить немцев из метро. Они пошли на ухищрение и селка залили метро спиртом, чтобы на время вывести наших бойцов из строя. Но это, по словам Костерина, им не удалось. Чем ближе к рейхстагу, тем труднее. Путь преградили "тигры" и "пантеры".